

**От разрешения к трансформации
конфликтов: оценка роли и
воздействия проектов по
налаживанию диалога**

Норберт Роперс

www.berghof-handbook.net

Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution • Crisis Prevention •
Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian Assistance • Just Peace •
Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies • Peacekeeping • Peacemaking •
Post Conflict Rehabilitation • Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution
• Crisis Prevention • Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian
Assistance • Just Peace • Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies •
Peacekeeping • Peacemaking • Post Conflict Rehabilitation • Civil Society • Conflict
Settlement • Conflict Resolution • Crisis Prevention • Development Cooperation •
Human Rights • Humanitarian Assistance • Just Peace • Multi-Track • Peacebuilding
• Peace Constituencies • Peacekeeping • Peacemaking • Post Conflict Rehabilitation
• Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution • Crisis Prevention •
Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian Assistance • Just Peace •
Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies • Peacekeeping • Peacemaking •
Post Conflict Rehabilitation • Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution
• Crisis Prevention • Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian
Assistance • Just Peace • Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies •

От разрешения к трансформации конфликтов: оценка роли и воздействия проектов по налаживанию диалога

Норберт Роперс

1. Введение

Диалог может считаться одним из классических методов конструктивного разрешения конфликтов. Как утверждает одно популярное высказывание, “пока вы говорите друг с другом, стрелять вы не можете”. Этому вторит другое практическое наблюдение из повседневной жизни: “Есть ли лучший способ разрешения спорного вопроса, чем честный обмен мнениями?” А этика ведения дискурса задается следующим вопросом: «Как еще можно найти устойчивое решение многочисленных политических и моральных конфликтов в нашем взаимозависимом и многообразном мире, кроме как посредством “практической беседы между заинтересованными сторонами”?» (Apel, 1990).

В классической дипломатии навыки ведения переговоров и диалога входят в основной репертуар цивилизованных международных отношений. Однако на уровне официальной дипломатии (на “первом уровне”) диалог слишком часто отходит на второй план, по крайней мере в глазах публики, уступая требованиям, предъявляемым политикой власти и “реальной политикой”. В отличие от первого уровня, представители неофициального “второго уровня” выдвигают на первое место общение, встречи лицом к лицу и достижение взаимопонимания. Интерес к подобному неофициальному диалогу подпитывают преумножающиеся острые или потенциально чреватые насилием споры *внутри* общества, в частности те из них, которые носят затяжной этнополитический характер.

В настоящее время во всем мире проводится огромное число диалоговых проектов как на уровне местных сообществ, так и на национальном, и все они ставят целью уладить или разрешить конфликт или хотя бы оказать на него какое-то влияние. Популярность диалоговых проектов породила, однако, и много критики. Чего в итоге могут достичь эти проекты, если за столом переговоров собираются, как правило, лишь умеренные представители конфликтующих сторон? Даже в том случае, если один или несколько семинаров приводят к тому, что группа влиятельных лиц достигает взаимопонимания, не зависит ли успех всей инициативы более от того, что произойдет впоследствии?

И наконец, не рискуют ли приверженцы диалогового метода серьезно переоценить важность общения в решении конфликтов? В конце концов, в большинстве споров наиболее важные компоненты это не стереотипное восприятие, разница во мнениях или в культурных нормах, а столкновение реальных интересов, структурные факторы и борьба за власть и влияние. Из этого может следовать вывод, что диалог необходимо помещать в контекст общей динамики конфликта и его трансформации.

Большинство ученых и практиков соглашаются с тем, что для трансформации затяжного конфликта необходимо работать не только с его психосоциальными компонентами, жалобами и взаимоотношениями сторон, но и с его структурными причинами и теми аспектами, которые связаны с политикой власти. Поскольку диалог состоит из общения и межличностного взаимодействия, он, естественно, используется в первую очередь как инструмент психосоциальной трансформации конфликта. Поэтому в данной статье я ограничусь оценкой его эффективности именно в этом узко обозначенном контексте.

2. Подходы к систематизации диалоговых проектов

В последних публикациях по данной теме особенно стали выделяться два метода классификации диалогов: по идеальным типам и по стадиям конструктивного диалога, которые соответствовали бы стандартным шагам в развитии любого взаимодействия и общения.

Американский конфликтолог Дж. Ротман (*Rothman, 1998*) предложил свою классификацию подходов к диалогу в межгрупповых конфликтах, которая состоит из трех-четырёх идеальных типов:

- Первый, правда, вызывает сомнения, можно ли его считать диалогом – это *позиционный диалог*, при котором стороны просто формулируют свои точки зрения (расхождения в которых могут варьировать от малозначительных до диаметрально противоположных). Они рассматривают их как свои позиции и мнения, просто лишь требующие признания. В этом наиболее распространенном типе взаимодействия общение подобно парламентским прениям: оно имеет целью не добиться своего, а лишь противопоставить свои аргументы друг другу.
- В случае *диалога на уровне человеческих взаимоотношений* разница во мнениях по ключевым вопросам отодвигается на второй план, а основное внимание уделяется причинам, по которым между сторонами возникло разногласие, и стереотипам, которых они придерживаются по отношению друг к другу. Подобные диалоги часто предваряются подготовительными тренингами по ключевым механизмам восприятия и группового взаимодействия. Этот тип диалога ставит целью достичь взаимного признания и уважения между сторонами. Ученым, однако, еще предстоит определить, насколько подобная работа может повлиять на само содержание конфликта.
- Подход *диалога активистов* идет дальше. Он стремится проранжировать и проанализировать стоящие на повестке дня вопросы, чтобы найти точки соприкосновения между сторонами, а также выявить такие совместные действия, с помощью которых стороны могли бы обуздать конфликт.
- Наиболее амбициозный подход – это *диалог для решения проблемы*. В нем стороны так структурируют свое взаимодействие, чтобы это позволило систематически рассмотреть имеющиеся между ними разногласия. На высокой стадии эскалации конфликта подобный диалог обычно требует присутствия третьей стороны, которая сопровождала бы или даже инициировала этот процесс.

Эта классификация определяет не только преобладающий тип взаимодействия в диалоге. В совокупности эти формы диалога освещают также разные, хотя и взаимодополняющие, элементы конструктивного решения конфликтов. В модифицированном виде приведенная классификация позволяет представить разные типы диалога в качестве шагов в ходе повышения качества общения и взаимодействия между сторонами диалога (рис. 1). Подобную модель предлагают приверженцы подхода “Альтернативного разрешения споров” (АРС), который выделяет четыре стадии использования коммуникаций для решения конфликта:

- На первой стадии поставлена задача по возможности четкого изложения *разных точек зрения сторон* с тем, чтобы добиться взаимного их признания, а также определить суть конфликта.
- Вторая стадия предполагает анализ потребностей и опасений, которые лежат в основе конфликта, а также опыта конфликтного взаимодействия и надежд каждой из сторон. В идеале на этой стадии можно также попытаться сделать так, чтобы стороны стали понимать и уважать вытекающий из конфликта личностный опыт друг друга.

Рис. 1: Уровни сотрудничества в диалоговом процессе

- Третья стадия посвящена выявлению общих *интересов* и сходных *потребностей и опасений*. На этой стадии можно также инициировать практическое сотрудничество между сторонами по некоторым менее спорным вопросам.
- Четвертая стадия чаще всего требует длительной подготовки, а также построения межличностного доверия. Она включает обсуждение подходов и идей по *решению вопросов, которые составляют суть конфликта*, разработку методов осуществления этих подходов и идей и впоследствии – *инициирование практических действий по разрешению конфликта*.

В затяжных конфликтах диалог между конфликтующими группами часто структурируется в виде серии встреч, иногда происходящих на протяжении нескольких месяцев или даже лет. Существует ряд моделей, которые помогают осмыслить конструктивное развитие событий на подобных встречах. Согласно одной из них, на первый план выдвигается характер взаимоотношений между сторонами и успех совместных усилий, т.е. прогресс зависит от налаживания отношений между сторонами, решения проблем и совместных действий сторон (McCartney, 1986):

- налаживание контактов и построение доверия;
- чувство сопереживания по отношению к противоположной стороне;
- совместный анализ вопросов, затронутых в конфликте;
- рассмотрение возможных методов разрешения проблем;
- совместные инициативы в случае, если диалог приводит к официальным переговорам или к их подготовке.

Большинство диалогов проходит в форме *организованных встреч между двумя группами*, размер которых допускает общение лицом к лицу. В состав группы обычно входят люди, стоящие на ступеньку ниже высшего руководства. Поэтому диалог представляет собой не официальные переговоры, а некий вид политической разминки. Как правило, встречу инициирует, организует и задает ей направление третья сторона, которой необязательно должны быть иностранцы; эту роль могут играть умеренно настроенные лица из самого конфликтного региона.

В ситуациях высокой эскалации спора или когда в результате конфликта в обществе произошел раскол, организовать мирную встречу бывает нелегко, и третьи

стороны подчас не могут пройти даже первую стадию диалога. В затяжных конфликтах может понадобиться серия встреч, и третьи стороны не должны забывать, что постоянно рискуют быть отброшенными на предыдущую стадию. По этой причине, а также в силу неустойчивости всей ситуации в целом, от организаторов требуется настойчивость, убедительное владение долгосрочной перспективой и необходимые ресурсы.

Идеи, лежащие в основе диалоговых встреч, отнюдь не новы. Диалоговые проекты как метод развития понимания между культурами и народами стали появляться в Европе после окончания II мировой войны. В то время основной целевой группой подобных проектов была молодежь. Проекты исходили из того, что увеличение контактов и взаимодействия между людьми из разных стран помогает устранить предрассудки и образы врага, а также воспитать симпатии к другим странам, кроме своей. Впоследствии эта достаточно наивная гипотеза о роли контактов была вытеснена более тонкими концепциями межкультурного обучения (Otten, Treuheit, 1994).

Диалоговые встречи, направленные на решение этнополитических конфликтов, – относительно недавний феномен, однако они опираются на схожие предпосылки. Одной из наиболее влиятельных систем преподавания в этой сфере, можно назвать “интерактивное решение конфликтов” или “интерактивное решение проблем” (Mitchell, Banks, 1996; Kelman, 1992; Fisher, 1997). Этот подход уходит корнями в 1960-е годы, когда различные ученые-практики начали приглашать влиятельных представителей сторон конфликта на семинары. Цель: провести их через четыре стадии конструктивного диалога, что происходило в весьма академическом стиле; либо их участие в качестве фасилитаторов процесса. К настоящему времени накоплен опыт применения этого подхода в разных конфликтах.

Несмотря на это, метод интерактивного разрешения конфликтов пока не применялся повсеместно и последовательно. Внимание было сосредоточено на избирательном комбинировании этого подхода с другими методами воздействия на конфликт.

3. Диалоговые проекты на практике

Насколько мне известно, пока еще никто не попытался сделать хотя бы минимально объективный и широкий обзор практических проектов по налаживанию диалога в конфликтных регионах. Дискуссии относительно того, насколько полезен этот набор методов, сводились чаще всего (в зависимости от контекста) к обсуждению конкретных типов диалога. В результате стали доминировать академические дебаты вокруг интерактивного разрешения конфликтов, в которых в качестве третьей стороны выступали в первую очередь ученые-практики.

НПО обычно предпочитают проводить диалоговые проекты в сочетании с практическими инициативами, направленными на сферы, актуальные для конкретных групп (например, женщин или молодежи), или с общественной активностью (например, проведение митингов в защиту мира), а также с образовательными проектами. Имеющиеся исследования по организации и результатам диалоговых проектов обычно исходят из академической среды. Но к настоящему времени интерес доноров привел к накоплению информации и по другим проектам.

Опираясь на задачи, которые преследуют диалоговые проекты, а также на обсуждавшиеся выше их коммуникативные цели, можно выделить четыре идеальных типа практических диалоговых проектов.

3.1. Диалоговые проекты как меры построения мира и межличностного примирения на местном уровне

Эти проекты в целом осуществляются внутри общин или между ними, его участниками являются люди, находящиеся в сходной ситуации и обладающие сходными интересами (молодежь, женщины, профсоюзные работники, верующие), или же люди с аналогичными судьбами, затронутыми насильственным прошлым (вдовы или сироты войны, дети жертв и преступников и т.д.). Ключевыми компонентами таких проектов служат межличностные контакты и устранение препятствий к общению. Основная концепция – диалог на уровне человеческих взаимоотношений, а долгосрочная задача – умножение подобных встреч, что помогало бы строить мир на низовом уровне.

Особенно интересный пример этого подхода представляет движение “Совместные размышления и восстановление доверия”, на встречах которого собираются дети жертв и преступников. Дети обмениваются мнениями и размышляют о том, как они могут примириться с пережитым ими в прошлом насилием (*Bar-On*, 2000). Эффективность подобных подходов во многом зависит от того, насколько удастся перейти от единичных встреч к долгосрочному построению межличностных отношений и созданию более устойчивых общих структур.

3.2. Диалоговые проекты в сочетании с развитием индивидуального потенциала участников

Учитывая то, что диалоговые инициативы одной из целей называют достижение взаимопонимания между участниками, подобные ситуации, безусловно, могут использоваться для развития у их участников навыков конструктивного взаимодействия. В пользу подобного сочетания говорит еще один довод: непосредственные контакты представляют собой идеальный контекст для выработки навыков ведения диалога. Однако сочетание этих методик может таить в себе опасности и недостатки. Прежде всего, встречи между сторонами конфликта и тренинги не всегда должны включать одни и те же целевые группы; во-вторых, если на протяжении всей серии встреч фасилитаторы будут недостаточно четко объяснять задачи каждого из видов деятельности, это может просто сбить участников с толку.

3.3. Диалоговые проекты в сочетании с институциональным развитием, сетевым взаимодействием и практическими инициативами

Обычно подобные сочетания становятся возможными только после того, как был успешно проведен довольно длительный процесс построения доверия и работа в рамках предыдущих стадий диалога. Во многих случаях диалог институционализируется в виде некоего межэтнического консультативного органа, комиссии по примирению, новой НПО или расширения потенциала существующих НПО. Диалоговые проекты могут послужить также отправной точкой для таких практических инициатив, как генерирование дохода для тех групп населения, которые более других пострадали от конфликта, например для безработных и молодежи.

Нет сомнений в том, что в целом эти меры повышают эффективность диалогов, а также полностью используют их потенциал на достижение структурных измене-

ний в обществе. Однако необходимо помнить, что последующие действия предъявляют новые требования к их realizatorам. Таким образом, хотя многие инициативы способны сдерживать макро-конфликты посредством диалога, им не удается урегулировать внутренние противоречия среднего и микро-уровня, проявляющиеся в процессе институционального развития.

3.4. Диалоговые проекты как подготовка к переговорам

Диалоговые инициативы, которые стремятся оказать влияние на процесс урегулирования конфликта на высшем политическом уровне ставят перед собой наиболее честолюбивые задачи. Именно поэтому подходы интерактивного разрешения конфликтов и решения проблемы стремятся к проведению конфиденциальных семинаров, на которых третьи стороны демонстрируют влиятельным представителям сторон конфликта, как научиться видеть новые стороны конфликта и новые перспективы его разрешения, в надежде, что в будущем это поможет организовать (или возобновить) официальные переговоры. Именно по этой причине этот подход часто оценивается как пред-переговорная стадия. Первоначально практические результаты подобных инициатив оценивались либо как внешние (т.е. затрагивающие тех, кто непосредственно участвовал в данной инициативе), либо как внутренние (затрагивающие общий контекст конфликта). Однако к настоящему времени оценки стали более многомерными.

4. Диалоговые проекты в контексте теорий урегулирования конфликтов: как оценивать их “успешность”?

К. Митчелл предлагает рассматривать успешность пред-переговорных диалоговых проектов по трем уровням (*Mitchell, 1993. P. 82*):

- воздействие на непосредственных участников диалога (изменение их мнений и поведения);
- конкретные результаты диалога – выработанные идеи, предложения, практические меры и т.д., которые затем становятся элементами процесса разработки политических целей;
- долгосрочное воздействие на конфликт в целом.

Первый уровень – относительно простой, принимая во внимание, что к настоящему времени накоплены результаты многих исследований в сфере социальной психологии и групповой динамики. На практике, однако, большинство оценок представляют собой поток преимущественно положительных мнений, высказанных в конце встречи. Оценки второго и третьего уровня до последнего времени заключались исключительно в исследованиях конкретных ситуаций, которые проводились организаторами проектов или их местными сотрудниками. Например, проанализировав 76 отчетов о семинарах, проводившихся в период с 1965 по 1995 г., Р. Фишер показал, что средний коэффициент успешности в этих отчетах оценивается в 84% (*Fisher, 1997. P. 187*). Можно понять стремление авторов отчетов позитивно оценивать свою работу, однако, к сожалению, их анализ дает нам очень мало информации о том, какие типы диалога приводят к краткосрочным или долгосрочным результатам, кто должен в них участвовать (включая сами третьи стороны), на каком этапе и в каком масштабе.

Не вызывает сомнений, что на эти вопросы невозможно ответить только в рамках теории и практики диалога. Они требуют рассмотрения общего контекста урегулирования конфликтов на макро-политическом уровне (*Hoffman, 1995*).

Теории урегулирования межгрупповых конфликтов по-прежнему остаются недостаточно развитыми. Без ответа остается много конкретных вопросов, естественным образом возникающих в результате практической работы, о том, насколько адекватны те или иные стратегии в разных ситуациях. Скрупулезные теоретические исследования и их тестирование на практике могут предложить лишь ограниченное число полезных рекомендаций. Среди наиболее известных подходов к диалоговым проектам, можно назвать нормативную концепцию “разрешение споров через примирение интересов” (*Fisher, Ury, 1981*), сравнительное изучение конкретных примеров (*Zartman, 1985*) и исследование эмпирических и количественных характеристик конфликтов, которые были решены мирным путем (*Bercovitch, 1996*). Опора на теории социальных изменений или теории конфликта остается, однако, скорее исключением.

Этот теоретический пробел особенно очевиден, когда дело доходит до выработки критериев измерения успешности разных инициатив и проектов в рамках вмешательства. Комплексный характер социальных систем затрудняет отслеживание причинно-следственных связей между мерами на микроуровне и результатами на макро-уровне. Поэтому актуальной становится задача найти методы, которые заполняли бы этот пробел, а также выявить и изучить те скрытые предпосылки, на которые опирается практика и исследования в сфере урегулирования конфликтов (*Kleiboer, 1996; Ross, Rothman, 1999*). Без этого миротворчество рискует быть сведенным либо к закреплению взаимоотношений доминирования и подчинения (*Francis, 2000*), либо к простому сглаживанию социальных отношений.

В последнее время, правда, теория и практика стали двигаться навстречу друг другу. Индикаторами этого могут служить многие обзоры современного состояния рассматриваемой сферы и исследования по оценке воздействия на конфликт (*Lund, Rasamoelina, 2000*). В них предпринимается попытка сформулировать критерии эффективного использования мер по урегулированию конфликтов в таких известных сферах деятельности, как сотрудничество по развитию.

К. Райманн предлагает классифицировать теоретические и практические подходы к урегулированию конфликтов по трем идеальным типам (*Reimann, 2000*). Ее подход позволяет уточнить концептуальную классификацию диалоговых проектов и критериев по оценке их успешности (см. бокс 1). Классификация, предложенная Райманн, показывает также, что успех какого-либо подхода в одной категории necessarily делает его применимым в другой.

Бокс 1: Роль диалоговых проектов в контексте разных подходов к урегулированию конфликтов

Подход к урегулированию конфликтов	Понятие конфликта	Предпочитаемый практический подход	Измерение успеха	Роль диалоговых проектов
Прекращение	Конфликт как вопрос статус-кво и политического порядка	Уровень 1: Дипломатия и силовая политика на уровне официальных лидеров	Ориентация на результат: политические соглашения со стабилизирующим эффектом	Организация предварительных переговоров; укрепление взаимопонимания в политической среде

Бокс 1: (окончание)

Подход к урегулированию конфликтов	Понятие конфликта	Предпочитаемый практический подход	Измерение успеха	Роль диалоговых проектов
Разрешение	Конфликт как катализатор социальных изменений	Уровень 2: Инициативы гражданского общества, направленные непосредственно на урегулирование конфликта, особенно на уровне лидеров среднего звена	Ориентация на процесс: повышение качества общения, взаимодействия и отношений между сторонами; воспитание уважения к разным коллективным идентичностям	Создание когорты лидеров с опытом ведения диалога; проведение семинаров по навыкам общения, по решению проблем и т.д.
Трансформация	Конфликт как ненасильственная борьба за социальную справедливость	Уровень 3: Укрепление навыка ущемленных групп проводить активные действия и решать конфликты, а также повышение интеграционного потенциала в обществах, разделенных конфликтом или прошедших через травму войны	Ориентация на структуры: устранение социально-экономического неравенства между разными группами; надлежащее управление; распределение власти; создание гражданского общества, которое объединяло бы разные группы в обществе; развитие навыков урегулирования конфликтов на местах	Практика навыков общения и взаимодействия; предоставление противоборствующим группам возможности налаживать контакты и больше узнавать друг о друге; повышение самостоятельности разных групп

Адаптировано из Reimann, 2000.

Подход к прекращению конфликта преследует цель защитить или адаптировать политический строй от острого или потенциально связанного с насилием конфликта, а также достичь жизнеспособного баланса между интересами разных групп, находящихся у власти. В таком контексте диалоговые проекты могут слу-

жить рамками возможных официальных переговоров на уровне советников или влиятельных лиц. Это позволяло бы позднее разворачивать более широкие диалоговые инициативы и добиваться их положительной оценки хотя бы со стороны СМИ. Они могут также создавать благоприятную атмосферу для переговоров на этом уровне.

Те относительно немногочисленные конкретные примеры, уделявшие внимание общему контексту, в котором проводились официальные переговоры, свидетельствуют, что результаты диалоговых проектов на уровне гражданского общества напрямую влияют на принятие тех или иных официальных мер. Официальные лица по-прежнему настроенно относятся к подобным проявлениям гражданской активности и часто пытаются их ограничить. Меньше возражений вызывает привлечение таких испытанных деятелей, как “политический старейшина” Джимми Картер, которые могут организовать полуофициальные пробные миссии. Поэтому следует помнить, что диалоговые проекты в целом оказывают косвенное и долгосрочное влияние на урегулирование конфликта. Как продемонстрировали использованные Г. Келманом подготовительные меры, предшествовавшие соглашению между Израилем и Палестиной в 1993 г. (*Kelman, 1995*), оно выражается в подготовке будущих лидеров для служения обществу, налаживании личных отношений между участниками и для обсуждения новых идей в безопасной обстановке.

Пропась между официальной и неофициальной дипломатией – это не просто проявление разного уровня легитимности и разных альтернатив силовой политики, которые существуют между государством и гражданским обществом. Многие сторонники диалогового подхода указывают также на то, что эта пропасть – результат фундаментально различного понимания конфликта. Затяжные конфликты, по их мнению, служат верным индикатором того, что базовые потребности в безопасности, признании и участии не получают удовлетворения, а попытки провести социальные изменения потерпели неудачу (*Burton, 1990; Burton, Dukes, 1990*). Именно в этих ситуациях на передний план встает задача разрешения конфликта, которая ориентирована не только на сам открытый конфликт по принципиальным вопросам, но в ее рамках предпринимается попытка восстановить пошатнувшиеся отношения между сторонами. Эта задача позволяет в дальнейшем создать новый контекст для рассмотрения существенных вопросов конфликта, которые должны быть решены совместно.

Диалоговые проекты, несомненно, представляют важный компонент подхода к решению конфликтов. Они ставят перед собой две существенные задачи: более ясное представление сторон друг о друге и о их взаимоотношениях, а также повышение качества общения. К сожалению, большинство диалоговых проектов оказывается относительно краткосрочными инициативами и не получает продолжения в длительной перспективе. При эффективном руководстве они могут значительно повысить шанс формирования группы людей, которые обладают ценным опытом общения и дорожат близкими контактами с противоположной стороной. Однако в тот или иной момент диалоговым проектам приходится решать ключевой вопрос о том, как новые конструктивные отношения и анализ конфликта вывести за рамки совместного (пробного) решения проблемы и подтолкнуть к практическому осуществлению этих решений.

Третий подход к урегулированию конфликтов опирается на концепцию прекращения и разрешения конфликта, однако при этом подчеркивается важность структурных реформ в обществе. С точки зрения трансформации конфликтов для того, чтобы миротворчество стало приносить долгосрочные плоды в обществах, разделенных конфликтом или прошедших через травму войны, необходим широкий спектр инициатив, которые не только ликвидировали бы социальное и экономическое неравенство, но и укрепляли политические и социальные механизмы для под-

держания (этнического) многообразия в обществе. В этой парадигме диалоговые проекты могут выполнять ценную функцию наведения мостов. Однако их успешность должна оцениваться по иному критерию – это укрепление позиции угнетенных групп и создание на местах культуры конструктивного улаживания споров. Для этого, в свою очередь, нужно ответить на вопрос о том, как и в какой мере инициативы по наведению мостов и совместные инициативы, которые привлекают к работе противоборствующие группы, могут укреплять потенциал своих участников.

Эта классификация свидетельствует о том, что успех диалоговых проектов должен оцениваться по разным меркам, в зависимости от того, какие цели они ставят и в каком контексте осуществляются. В области урегулирования конфликтов успех обычно рассматривается как многосторонний феномен. Если согласиться с тезисом сторонников трансформации конфликтов, что трансформация должна осуществляться посредством подходов, ориентированных как на результат, так и на процесс и на структуры, то становится очевидным, что диалоговые проекты должны осуществляться параллельно на разных уровнях. Наиболее известными из подобных проектов можно назвать “Группы поддержки мира” и “Мирные альянсы” (Lederach, 1997). Однако вопрос о том, как именно диалоговые проекты могут помочь в создании групп поддержки мира, не получил пока достаточного внимания. Некоторые предварительные ответы могут предложить исследования по “извлеченным урокам” и “оптимальной практике”, в которых более подробно рассматривались разные диалоговые проекты.

5. Извлеченные уроки

Ниже предлагаются девять “уроков”, почерпнутых из ряда опубликованных и неопубликованных исследований (Spencer, 1998; Mott, 1999; Haumersen, Rademacher, Ropers, 2002; Wolleh, 2002), а также из личного опыта автора в проведении семинаров по решению проблем в конфликтах на Кавказе. Из соображений краткости рассматриваются только те аспекты диалоговых проектов, которые имеют отношение к влиянию на политический макроконфликт.

- Налаживание диалога для решения проблем между сторонами затяжного конфликта преследует весьма честолюбивую цель, которая может быть достигнута только в рамках *долгосрочного процесса работы и обучения*. Для серьезных дискуссий по важным вопросам необходимы такие предпосылки, как установление доверия на межличностном уровне, разъяснение сторонами позиций и восприятия друг друга, анализ истории и контекста конфликта.

Наиболее важным компонентом этого процесса служит совместное урегулирование кризисных ситуаций, таких, как ухудшение ситуации внутри группы, или, например, угроз и других влияний извне. Другой важный компонент – это осознание, что каждому из участников приходится решать аналогичную проблему – признание их со стороны группы, которую они представляют. Важно также, чтобы участники не имели негативного опыта работы, связанного, например, с конфиденциальностью переговоров или решения практических проблем. Поэтому третья сторона, инициировавшая переговоры, должна хорошо представлять, в какой мере она может гарантировать продолжительность процесса (который может растянуться на несколько лет). Необходимо отдавать себе отчет в том, что в худшем случае, т.е., если состоится лишь одна или несколько встреч, то проблемы будут только подняты на поверхность, а это может даже увеличить недоверие между участниками.

- Для того, чтобы процесс диалога с самого начала вошел в правильную колею, огромную роль также играет *изначальный выбор участников*. Прежде всего,

это должны быть люди, способные сразу начать содержательный разговор. Это говорит в пользу отбора участников, занимающих относительно умеренную позицию. Первоначальный выбор участников может служить также индикатором отношения к данной инициативе – воспринимается ли она серьезно или, наоборот, отвергается как чуждая (или предательская). Все это говорит в пользу того, чтобы в первой фазе участвовали умеренные представители конфликтующих сторон, представляющие общепринятую точку зрения и имеющие много контактов и связей в своем сообществе.

Наряду с этим, в среднесрочной перспективе необходимо разрабатывать стратегии включения в процесс сторонников жесткой линии. “Включение” не обязательно означает их непосредственное участие во встречах; на первых порах это могут быть лишь попытки вступить с этими людьми в диалог о том, каковы их опасения и сомнения по поводу данного проекта. Однако в любом случае в диалоговых инициативах не должны участвовать лица, безоговорочно поддерживающие насилие. Необходимо представлять себе, в какой степени они могут срывать встречи или чинить им препятствия.

- Вопреки широко распространенному мнению, наиболее сложным требованием в диалоговых проектах представляет не высокопрофессиональная фасилитация и владение навыками общения на самих встречах, а *организационная работа*, а именно изыскание финансов для встреч, их подготовка и проведение. В разделенных обществах и общинах уже само объявление о намерении вести диалог встречается с недоверием и неприятием, а то и с препятствиями, специально чинимыми властями или влиятельными фигурами.

По этой причине встречи должны иногда проводиться вне страны конфликта, что требует значительной организационной работы и финансовых вложений. В рамках подготовки встречи представители третьей стороны, возможно, должны будут провести ряд предварительных встреч с каждой из сторон, чтобы с помощью такой “челночной дипломатии” найти консенсус хотя бы по таким вопросам, как список предполагаемых участников и программа встречи. Эта работа также представляет собой компонент общего диалогового процесса, хотя в дискуссиях об актуальности подобных проектов она редко получает необходимое признание.

- Любое вмешательство, какими благородными ни были бы его цели, даст как планируемые, так и непредусмотренные результаты. Поэтому на инициаторах диалогового проекта лежит *моральная ответственность* за возможные последствия своих действий – особенно тех, которые, даже будучи непреднамеренными и непредвиденными, все же отличаются от возможных или вероятных последствий. Все это необходимо тщательно просчитать. Особое внимание должно уделяться обеспечению максимальной безопасности приглашенных на встречу участников. Например, в асимметричных конфликтах более слабая сторона, согласившись участвовать в диалоге, займет более радикальную позицию. Наконец, в любом остром конфликте третья сторона должна иметь стратегию поддержания “многопристрастности”, особенно в ситуациях, когда происходят массовые нарушения прав человека.
- В сфере интерактивного разрешения конфликтов в целом доминируют семинары по решению проблем со своим стилем фасилитации, который сформировался под влиянием его инициаторов, с их академично-аналитическим, а иногда и догматичным подходом (Fisher, 1997). Однако накопленный практический опыт говорит в пользу того, что *методологию вмешательства* в диалоговых проектах необходимо разрабатывать на более широкой и гибкой основе. В частности, разработка активной формы ведения диалога может опираться

ся на богатый опыт, накопленный в таких сферах, как обучение взрослых, межкультурное образование, групповая динамика, психотерапия, наблюдение и посредничество в более узком смысле.

Активный диалог начинается с рассмотрения вопроса, каким должен быть состав группы, а также с изучения тех нормативных идей, которые неизбежно проявляются в поведении команды, когда она сталкивается с конфликтами. Затем в групповой динамике выявляются как скрытые, так и открытые тенденции. Это важная сфера изучения, поскольку сопротивление *сближению* в диалоге часто происходит на подсознательном уровне и выражается в кажущемся внезапно ужесточении позиции или в неожиданном возникновении новых вопросов для обсуждения. Наконец, данный процесс должен также затрагивать вопрос, в какой мере диалог может и должен зависеть от разработки конкретных стратегий для решения проблем.

- В последнее время все большее распространение получает метод, посредством которого участники диалога подталкиваются к изменению своей точки зрения. Его суть заключается в *анализе сходного этнополитического конфликта* и рассмотрении выводов из сравнения двух конфликтов. Этот метод основан на идее, что анализ чужого конфликта помогает понять точку зрения разных сторон конфликта, а также непредвзято оценить ситуацию в целом. Это в свою очередь позволяет как в зеркале увидеть новые аспекты в своей собственной ситуации. В идеале рассматриваемый сходный конфликт должен быть на более продвинутой стадии решения, что позволило бы сторонам диалога увидеть, какие компоненты урегулирования могли бы найти применение и в их случае. На практике это, однако, не так легко. Участники обычно стремятся подчеркнуть уникальность своего конфликта, поскольку чувствуют, что любая попытка провести сравнения лишает беспрецедентности их собственный случай. Оценивая подобную работу в ретроспективе, участники часто указывали, что подобные аналитические эксперименты оказывались наиболее важным фактором в успешности диалога.
- Как уже отмечалось выше, результаты, которые диалог дает на макро-политическом уровне, с трудом поддаются точной оценке. Поэтому так важно тщательно отслеживать его возможное воздействие *на среднем уровне общности*. Безусловно, здесь один из ключевых критериев успеха – глубина диалога, то, насколько его участники, их единомышленники или их организации стали чувствовать ответственность за развитие этого процесса. Важно и то, насколько регулярно они прибегают к встречам-диалогам, чтобы уточнить свое восприятие, позиции и события, проанализировать альтернативы и найти общий язык.

Для этого недостаточно просто привлекать участников к разработке программы для семинаров. Процесс должен включать возможности организации предварительных и последующих инициатив, более глубоко рассматривать различные насущные темы и развивать у участников новые навыки – как при самих диалоговых встречах, так и в периодах между ними. Это могут быть такие типы работы, как создание местных групп поддержки и рабочих групп или проведение практических занятий. Другим потенциальным мерилom успеха может служить расширение круга участников – не только тех, кто принимает непосредственное участие в серии встреч, но и перспектива воспроизведения подобных подходов, особенно приближаясь к первому уровню дипломатии. На практике необходимо соблюдать баланс между созданием сплоченного ядра участников, которые станут движущей силой для разрешения конфликта, и расширением круга участников.

- В обществах, разделенных конфликтом или прошедших через травмы войны, диалоговые проекты рано или поздно сталкиваются с вопросом о том, как *институционально зафиксировать* достигнутые успехи и порожденную ими энергию для практических преобразований. Нужно ли это сделать посредством неких органов, которые заменили бы те временные структуры, созданные третьими сторонами на начальной стадии работы? Без подобной институциональной фиксации первоначальные позитивные результаты диалога всегда рискуют постепенно сойти на нет. Однако нужно помнить, что институционализация диалога, безусловно, может принимать разные формы – от околоправительственных межэтнических комиссий, через совместные экспертные комиссии, до межэтнических НПО.
- Вероятно, наиболее важное концептуальное достижение, которое диалоговые проекты могут предложить для создания групп поддержки мира или мирных альянсов, заключается в *развитии культуры спора, основанной на диалоге*. Это означает, что основные элементы конструктивного диалога, опирающегося на интересы сторон, должны не просто использоваться ограниченным числом межгрупповых проектов для достижения положительных результатов, а превратиться в основную парадигму политической культуры в данном обществе. Реальная трансформация конфликта возможна только в той мере, в какой стороны способны вести конструктивный диалог, как убедительно было показано на примере многих этнополитических конфликтов, в том числе на Ближнем Востоке.

Apel K.-O., 1990. Diskurs und Verantwortung. Frankfurt: Suhrkamp.

Bar-On D., 2000. Den Abgrund überbrücken: Mit persönlicher Geschichte politischen Feindschaften begegnen. Hamburg: Edition Koerber.

Bercovitch J., Houston A., 1996. The Study of International Mediation: Theoretical Issues and Empirical Evidence // Resolving International Conflicts. The Theory and Practice of Mediation / Ed. J. Bercovitch. Boulder: Lynne Rienner. P. 11–35.

Burton J., 1990. Conflict: Resolution and Prevention. London: Macmillan.

Burton J., Dukes F. (eds.), 1990. Conflict: Readings in Management & Resolution. London: Macmillan.

Fisher R., Ury W., 1981. Getting to Yes. Boston: Houghton Mifflin.

Francis D., 2000 Culture, Power Asymmetries and Gender in Conflict Transformation // Berghof Handbook for Conflict Transformation. www.berghof-center.org.

Fisher R.J., 1997. Interactive Conflict Resolution. Syracuse: Syracuse UP.

Haumersen P., Rademacher H., Ropers N., 2002. Konfliktbearbeitung in der Zivilgesellschaft. Die Workshop-Methode im rumänisch-ungarischen Konflikt. Münster: LIT.

Hoffman M., 1995. Defining and Evaluating Success: Facilitative Problem-Solving Workshops in an Interconnected Context // The Kent Journal of International Relations. Vol. 9, № 2. P. 150–167.

Kelman H.C., 1992. Informal Mediation by the Scholar / Practitioner // Mediation in International Relations / Eds. J. Bercovitch, J.Z. Rubin. London: Macmillan. P. 64–95.

Kelman H.C., 1994. Promoting Joint Thinking in International Conflicts: An Israeli–Palestinian Continuing Workshop // Journal of Social Issues. Vol. 50, № 1. P. 157–178.

Kelman H.C., 1995. Contributions of an Unofficial Conflict Resolution Effort to the Israeli–Palestinian Breakthrough // Negotiation Journal. January. P. 19–27.

Kleiboer M., 1996. Understanding the Success and Failure of International Mediation // Journal of Conflict Resolution. Vol. 40, № 2. P. 360–89.

Lederach J.P., 1997. Building Peace: Sustainable Reconciliation in Divided Societies. Washington: USIP.

Lund M., Rasamoelina G. (eds), 2000. The Impact of Conflict Prevention Policy: Cases, Measures, Assessments. Baden-Baden: Nomos.

McCartney C., 1986. Human Rights Education // 11th Annual Report. Standing Advisory Committee on Human Rights. London: HMSO.

- Miall H., Ramsbotham O., Woodhouse T.*, 1999. *Contemporary Conflict Resolution*. Cambridge: Polity.
- Mitchell C.*, 1993. *Problem-Solving Exercises and Theories of Conflict Resolution // Conflict Resolution. Theory and Practice: Integration and Application / Eds J.D. Sandole, H. van der Merwe*, Manchester: Manchester UP. P. 78–94.
- Mitchell C., Banks M.*, 1996. *Handbook of Conflict Resolution: The Analytical Problem-Solving Approach*. London: Pinter.
- Mott Foundation, 1999. *Reaching for Peace: Lessons Learned from Mott Foundation's Conflict Resolution Grantmaking*. Conducted by CDR Associates and the Berghof Research Center for Constructive Conflict Management.
- Otten H., Treuheit W.*, 1994. *Interkulturelles Lernen in Theorie und Praxis: Ein Handbuch für Jugendarbeit und Weiterbildung*. Opladen: Leske und Budrich.
- Reimann C.*, 2000. *Assessing the State-of-the-Art in Conflict Transformation // Berghof Handbook for Conflict Transformation*. www.berghof-handbook.net
- Reychler L., Paffenholz T.* (eds.), 2000. *Peacebuilding: A Field Manual*. Boulder: Lynne Rienner.
- Ross M.H., Rothman J.* (eds.), 1999. *Theory and Practice in Ethnic Conflict Management: Theorizing Success and Failure*. London: Macmillan.
- Rothman J.*, 1998. *Dialogue in Conflict: Past and Future // The Handbook of Interethnic Coexistence / Ed. E. Weiner*. NY: Continuum. P. 216–235.
- Spencer T.*, 1998. *A Synthesis of Evaluations of Peacebuilding Activities Undertaken by Humanitarian Agencies and Conflict Resolution Organisations*. London: Overseas Development Institute.
- Wimmer A., Goldstone R., Horowitz D., Joas U., Schetter C.*, 2002. *Facing Ethnic Conflicts: Towards a New Realism*. Cambridge; Oxford.
- Wolleh O.*, 2002. *Möglichkeiten und Grenzen interner Akteure bei der Friedensbildung in geteilten Gesellschaften. Die Conflict Resolution Trainer Group in Zypern (1993–1997)*. Berlin: LiT.
- Zartman I.W.*, 1985. *Ripe for Resolution: Conflict and Intervention in Africa*. NY: Oxford UP.